

"Петербургский сборник", изданный Н. Некрасовым

Нельзя не удивляться деятельности петербургских литераторов! Любо смотреть! Давно ли вышла "Физиология Петербурга" в двух томах? И вот, вслед за нею, колоссальный "Петербургский сборник", от которого столу тяжело! 560 страниц довольно мелкого, убористого шрифта! Вот огромная повесть "Бедные люди" нового дебютанта в литературе - г. Федора Достоевского! Одна уже эта повесть - целая книга! Вот повесть в стихах г. Ив. Тургенева с рисунками г. А. Агина, гравированная на дереве г. Е. Бернарским! Вот "Капризы и раздумье" г. Искандера! Вот "Парижские увеселения" г. И. Панаева с политипажами, рисованными и гравированными в Париже! Вот новая поэма г. А. Майкова! Вот имена князя Одоевского, графа Соллогуба, г. Никитенко!.. Как не броситься с жадностью публике на такое литературное приобретение! Запас чтения, по крайней мере, на два месяца, если не более! По крайней мере, три толстых номера журнала вместились в одном томе. Честь и слава петербургским литераторам! Неутомимы! деятельны! Только перья скрипят на всю Россию! Станки типографские в движении! Бумажные фабрики в ходу! Публика читает, радуется! Любо, да и только! Честь и слава петербургским литераторам!..

Воздав должную похвалу за трудолюбие участникам "Петербургского сборника", развернем же его и читаем.

Новое имя в литературе - г. Федор Достоевский! Молва журнальная трубила в большие трубы перед его появлением. Рассылщики вестей о петербургской литературе ходили по разным московским гостиным и трубили в маленькие, но звонкие, голосистые трубочки, что является звезда первой величины на небе нашей немногозвездной литературы. Нам кажется, что вся эта суeta была напрасна и только вредна новому таланту. В одном журнале петербургском весьма справедливо было сказано, что "новый талант, великий или обыкновенный, может теперь смело выходить на литературное поприще без журнальных и всяких других протекций: он сейчас же будет признан за то, что он есть в самом деле". Так зачем же было трубить предварительно? Пускай бы он вышел спокойно: публика оценила бы его сама по достоинству. Предпосланные похвалы могут слишком усилить ожидания, что не всегда выгодно для вновь возникающей славы. Кроме того, тот же журнал признает, что вся литература наша разделена теперь на партии: тем он объявляет себя главою одной из них. Зачем же навязывать свою протекцию и штемпель своей партии таланту новому, еще свежему, еще чуждому всех разделений? Художник истинный прежде всего должен беречь свободу своего мнения - и не привязывать своей деятельности, еще менее своей мысли, к листам какого бы то ни было журнала.

Мы не принадлежим ни к какой партии. Считаем, что существование партий только вредно в литературе. Всего более дорожим свободой личного мнения, основанного на убеждениях разума и совести. Нисколько не сочувствуем ни направлению, ни способу действий той литературной партии, которая взяла на себя напрасный труд представить новый талант публике, но скажем об нем беспристрастное слово, и, может быть, для него не бесполезное.

На поле, почти пустом, нашей современной изящной словесности повесть "Бедные люди" есть явление, конечно, замечательное. Какая мысль этого произведения? Она объяснится, когда мы расскажем историю этой повести.

В северной столице, под величавым миром европейского блеска, роскоши, неги, таится мир, невидимый для глаза, увлеченного великолепием: сюда принадлежат и бедные чиновники-переписчики, чуть заметные винты в государственной махине, но также люди. Кроме того, что они доставляют на всю Россию бесконечное число бумаг, необходимых по управлению, они доставляют также и литературе почти единственный материал для водевилей, комедий, повестей, сатирических сцен, эскизов и проч. Вся она почти исключительно на них выезжает. Едва ли проходит вечер, чтобы в петербургских и московских театрах не посмеялась над ними публика.

Из множества всех тех сочинений, которые разрабатывали почти единственный материал петербургской словесности - мир чиновнический, выступают два произведения, принадлежащие двум нашим первостепенным повествователям.

Павлов, в порыве раздраженной сатиры, свойственной его таланту, изобразил в своем "Демоне" все нравственное унижение, до которого могла дойти эта жертва общественных условий. Сатира повествователя - обращалась, конечно, не на сословие, откуда он взял своего героя, но на те самые условия жизни, из которых возникла его возможность.

Может быть, "Демон" вызвал Гоголеву "Шинель". Гоголь, который сам в своих комических произведениях часто выводил мир чиновников, искупил прежние насмешки своею "Шинелью". Под